

Юрий ПОЛЯКОВ:

Тр. ч. - 1997. - 10 экз. - с 12.

Замыслил я побег в депутаты

Известный писатель Юрий ПОЛЯКОВ, чьи произведения входят в школьную программу, запер в письменный стол почти законченную рукопись нового романа и стал независимым кандидатом в депутаты Московской городской Думы по 7-му округу (Аэропорт, Сокол, Щукино, Хорошевка).

Поляков живет на Хорошевке, прямо скажем, не в самом престижном районе столицы. Окна его заставленного книжными полками кабинета выходят на знаменитое Ходынское поле, ставшее аэродромом. Но прежде, чем мы прошли в кабинет и начали беседу, был домашний обед, приготовленный его семнадцатилетней дочерью Алиной и женой Натальей. Многие на столе было со своего огорода.

— Насколько мы знаем, вы, Юрий Михайлович, москвич, а крестьянские корни все-таки сказываются. Говорят, и сюжет своего знаменитого «Демгородка» вы нашли в капусте?

— Действительно, фантастический сюжет про садово-огородное товарищество, куда после военного переворота адмирала Рыка заключают «врагоугодников и отчизнопродавцев», придумал, копаясь в огороде...

— И все-таки вернемся к корням...

— Мой род с Рязанщины

— и по материнской, и по отцовской линиям. Дед Илья Васильевич, погибший на фронте, приехал в Москву накануне революции и служил мальчиком в сытинской книжной лавке. Сам я вырос в купеческом особняке, переоборудованном под семейное заводское общежитие: оцинкованные корыта на стенах в три ряда, чад от приготавливаемых одновременно пятидесяти воскресных борщей... Коммунальный быт тяжел, но это огромный опыт человеческого общения и прививка от индивидуализма на всю жизнь. Как, впрочем, и служба в армии...

Сейчас я живу на Хорошевке, в районе, застроенном новыми типовыми домами, но всегда помню, что стоят они на древнейшей земле. По мнению ученых, Ходынка — такое же древнее название, как Дон, Днепр, Днестр... Кстати, где-то тут недалеко разбили Лжедмитрия Второго, Тушинского вора — и Россия начала выбираться из Смуты...

— Ваш новый роман случайно не исторический?

— Случайно нет. Историю изучают не только для того, чтобы писать исторические романы, а и для того, чтобы лучше разбираться в том, что с нами происходит сегодня.

— А что, на ваш взгляд, происходит?

— Есть два способа нанести государству урон. Первый — затягивать начало необходимых реформ, второй — проводить эти реформы необдуманно, впопыхах. Сначала мы имели первую ситуацию и это называлось «застоем». Теперь вторую — и называется это «развалом». Мой новый роман как раз о том, как застой перешел в развал. Это если говорить о политическом аспекте. Но прежде всего это роман о любви, о семейной жизни, да и вообще о жизни...

— И как всегда, там будет

много юмора, иронии? Как в «Апофеге» и «Парижской любви Кости Гуманкова»?

— Мне до сих пор пишут и спрашивают, будет ли продолжение повести «Апофегей». Так вот, новый роман «Замыслил я побег» в каком-то смысле ее продолжение. И ОЛМА-Пресс, издательство, с которым я давно и плодотворно сотрудничаю, собираются его выпустить с подзаголовком «Апофегей-2». Впрочем, я запер рукопись в стол и занимаюсь теперь совсем другими делами — баллотируюсь независимым кандидатом в Московскую городскую Думу...

— Насколько нам известно, вам уже не раз предлагали баллотироваться в Госдуму — и вы отказывались. А теперь вот...

— Знаете, если люди, получившие огромную власть, вместо того чтобы заботиться об интересах страны, наших с вами интересах, начинают сочинять книжки, становятся «писателями», то почему бы писателю не пойти во власть?

— Логично. Но литературный труд — дело одинокое и кабинетное, а политика...

— Не согласен. У нас в России писатель традиционно был чем-то вроде депутата — всегда вмешивался в общегосударственные дела, людям помогал. Кто не дал повернуть северные реки в Среднюю Азию? Писатели. И примеров тому множество.

В этом году исполняется десять лет с момента публикации в «Юности» моей повести «Сто дней до приказа». До сих пор звонят, пишут, до сих пор выручают ребят, попавших в кошмар дедовщины, помогаю офицерам, пострадавшим по службе, как говорится, за правду... Недавно пришли из библиотеки: какому-то банку здание приглянулось. Стараемся помочь.

(Окончание на II стр.)

(Окончание. Начало на I стр.)

— Может, стоило и продолжать в таком духе? Без отрыва, как говорится, от письменного стола?

— Не получается. Нынешняя власть, федеральная прежде всего, напоминает мне Одиссея, залившего воском уши, чтобы не слышать смертельного пения сирен. Не знаю уж, чем себе залили уши иные «реформаторы», но они давно уже не слышат ни призывов деятелей культуры, ни разумных предложений национально ориентированных предпринимателей, ни отчаянных просьб обнищавшего населения... У нас ведь школы ремонтировать не на что. А чуть какая критика — ответ один: денег нет! Их и не будет, если доллары коробками из-под ксерокса таскать, да платить самим себе гонорары, которые Сименону не сниться... И когда ко мне пришли соседи и предложили стать кандидатом в депутаты гордумы, я, поразмыслив, согласился: если к писательскому мандату добавить еще и депутатский, можно кое-что сделать.

— А почему все-таки «независимый»? Почему, скажем, не от «Союза реалистов», с которым вы давно связаны?

— Во-первых, мои избиратели — это мои читатели, а с читателем писатель общается один на один, без всяких партий и избирательных блоков. Во-вторых, принадлежность к той или иной партии до смешного условна. Вот, например, человек сначала был в «Демвыборе», а недавно перешел в «Яблоко». Выходит, Гайдар ничем от Явлинского не отличается, и от одного к другому можно переходить, как крестьяне в Юрьев день от помещика к помещику перебежали? Нет, принцип «КПСС, ДВР, НДР, далее везде...» кажется мне в корне неверным... Депутат должен представлять людей, живущих рядом с ним, а не партию, состоящую иной раз из сомнительного лидера и массовки по вызову.

Объясните, если «Яблоко» — партия

оппозиционная и на заседаниях Госдумы гнобит правительство покруче коммунистов, то почему оно для участия в выборной кампании в гордуму объединяется с правительственным НДР? Что за плодово-выгодная позиция? Вы заметили, в последнее время в лексиконе политиков намертво закрепилось слово «игра» — честная игра, нечестная игра... Какие игры, если у нас народ на два миллиона человек в год убывает! Вы страной управля-

ете или в зале игровых автоматов развлекаетесь? Морской бой, понимаешь, развели! Торпеда Чубайса рванула под Березовским, а пущенная в ответ торпеда Березовского потопила Коха...

— Вы ко всем современным российским политикам относитесь так?

— Нет, не ко всем. Мне нравится то, что делает Лужков. Он по натуре собиратель, а не расточитель. Лужков — высокопрофессиональный, по-моему, руководитель, и плечо ему в нынешние трудные времена должна бы подставить и профессиональная столичная дума нового созыва.

— А что такое «профессиональная дума», «профессиональный депутат»?

— Депутат, считаю, прежде всего должен быть специалистом в своей области. Чем выше его уровень как ученого, производственника, рабочего, военного, деятеля культуры — тем полезнее он будет на своем новом поприще. Депутат силен прежде всего своим знани-

ем реальных проблем и забот людей. В том-то и беда нашей власти, что в самые разные законодательные органы в последнее время попали люди, мягко скажем, не очень-то заметные в своей основной профессии. Наверное, поэтому о самом существовании Московской Думы знает не более 15 процентов жителей столицы. Но многие депутаты уже не хотят возвращаться в свои НИИ, лаборатории, а жадуют «избраться» на вто-

рой и третий сроки. И тогда появляется «профессиональный» депутат. Не исключено, что и дети их станут депутатами — и лет через сто мы получим эдакую парламентскую аристократию с передачей депутатского кресла по наследству. «Профессиональный депутат», по моему, такая же нелепость, как профессиональный влюбленный.

— А чем вы будете заниматься городской Думе?

— Культурой в широком смысле этого слова. Культура — это и чистые подъезды, и детский досуг, и телевидение без похабных прокладок, и улицы, по которым можно ходить, не рискуя нарваться на преступников или отравиться выхлопными газами. Буду, разумеется, заниматься и культурой в узком смысле этого слова, ведь Москва — общенациональный культурный центр. Кстати, в нынешнем составе гордумы целенаправленно вопросами культуры, духовности, нравственного и эстетического воспитания никто, по моему, не занимается...

— Есть ли у вас конкретные идеи, планы?

— Есть. Я создам специальную группу, которая будет отслеживать судьбу каждого москвича, призванного в армию и столкнувшегося с «дедовщиной». Буду добиваться, чтобы, как во времена моего детства, кружки и секции для ребят снова стали бесплатными. И еще... Я, коренной москвич, вырос в заводском общежитии, где на семьдесят семей был один ту-

Я не исключил из сборника ни одной написанной статьи, хотя где-то политическая конъюнктура с тех пор много раз менялась и у всех на памяти деятели, уже по несколько раз отрешившиеся от своих недавних убеждений. Я и сегодня готов ответить за каждое написанное мною слово. А что касается доходов, то ведь я пишу книжки не о приватизации, а о нашем тяжком времени, когда не у каждого есть деньги на книгу. Доходы — соответствующие...

— Политика для большинства людей — загадочный мир, где есть надводная и подводная части айсберга. Могли бы вы рассказать о своих первых впечатлениях?

— Для этого надо быть как минимум Салтыковым-Щедриним. Если Бог даст, со временем напишу об этом в меру отпущенных мне способностей. Но ничего такого в политике нет, чего не встретишь в обычной жизни. И главная проблема, как в любой другой области: много болтунов — мало пахарей.

— Не грозит ли этот поворот вашей судьбы тем, что читатель может не дожидаться ваших новых книг?

— В случае избрания до начала работы Думы у меня будет примерно месяц, чтобы закончить роман «Замыслил я побег». Мне осталось совсем немножко. Так что читатели смогут получить эту книгу весной будущего года. А потом в течение положенного срока я намерен заниматься исключительно депутатскими обязанностями. Писатели не мне чета — Толстой, Чехов, Короленко, Булгаков — в трудные для Отечества годы откладывали перо и боролись с голодом, ехали на Сахалин, защищали людей от несправедливости, воевали... У них я учился писать, у них учусь жизни и отношению к Отечеству...

Вели беседу
Александр НЕВЕРОВ,
Леонид ПАВЛЮЧИК.